

СПИРАЛИ ВРЕМЕНИ ВЗЫВАЮТ К ИСТИНЕ

Юбилейный **Международный театральный фестиваль «Радауга»** в **Санкт-Петербурге**, объединяющий тюзовское движение на постсоветском пространстве, за 20 лет значительно повзрослел в связи с приходом художественного руководителя проектов **ТЮЗа имени А.А. Брянцева Адольфа Шапиро**.

Теперь фестивальная афиша, предназначенная в первую очередь для юношества от 12 до 18 лет, состоит из уже зарекомендовавших себя спектаклей, в том числе из Англии, Франции, Швейцарии в интерпретации режиссеров новой волны, «зараженных» евроинтеграцией, а потому часто лишенных самобытности и национальных корней. Кроме того эпоха потребительского общества изменила нравственные ориентиры, сделала художников заложниками дикого рынка и редко кому удается вырваться из этой «долговой ямы», а если улыбнется удача, то возникнет художественное событие, западающее в память и сердце зрителей.

К столь редким явлениям я бы отнесла постановку **Олега Липовецкого «Мертвые души»** **Городского драматического театра «Поиск»** из маленького городка **Лесосибирска**, номинированную на «Золотую Маску» 2019 года, но почему-то проигнорированную жюри. А жаль!

Режиссер городского театра, далекий от модного мейнстрима, сочинил, именно сочинил, исходя из природы автора, саркастическое фэнтези, разоблачающее примитивное бездуховное общество, озабоченное наживой, неважно каким путем и какими средствами.

Оказывается, открытый игровой театр с тремя феерическими артистами, способными создавать фантастические характеры психологических «эквилибристов», может отражать картину современ-

ного мира. Да такого страшного, что поневоле содрогнешься от человеческой подлости и покажется, что Бог больше не верит в высшее создание природы, а сознанием потомков Адама и Евы правит вездесущий дьявол. Именно с ним водит дружбу преступивший черту заповедей Чичиков, не убоившийся торговать мертвыми душами. При этом он не какая-то там коррумпированная «шестерка», а уважаемый чиновник, хорошо разбирающийся в делопроизводстве и психологии государевых назначенцев, не упускающих своего. Именно потому придуманная им схема оболванивания владельцев недвижимости должна сработать, и он сорвет солидный куш.

Три исполнителя **Виктор Чариков**, **Максим Потапенко** и **Олег Ермолаев** создают галерею гоголевских типов мифического городка NN, до которого не докатились новации технического прогресса. Фокусы здесь приветствуют, а потому служба Петрушка и кучер Селифан перманентно превращаются то в Губернатора, вышивающего гладью, то в тупую Коробочку, повязанную платочком, то в чревоугодника Собакевича, поглощающего тонны еды. Ярким представителем бандитской нахрапистости и вседозволенности выступает извивающийся, как червь, Ноздрев, он-то и погубит Чичикова. Поэтому с момента их встречи чувство страха и тревоги не покидает без пяти минут олигарха, но, как говорится, «охота пуще неволи». Неожиданно для себя Павел Иванович пожалеет Плюшкина в инвалидной коляске, напоминающего призрака среди развалин когда-то процветавшего поместья. Вот умрет обезумевший скряга, и никто не вспомнит о нем, точно так же не вспомнят лица купленных мертвых душ с инвентарными номерами в рестре Чичикова, после которых осталась

«Мертвые души». Театр «Поиск», Лесосибирск

драная одежда, выставленная на аукционе сэконд- хэнда. Спектакль Липовецкого вызывает к утраченной совести, с тревогой свидетельствует об исчезновении в человеке человека, кричит о заполнившем мир равнодушии, дающем дорогу мошенникам, разграбившим Россию.

Во время показа спектакля **«И это жизнь?»** Татарского академического драматического театра имени Г. Камала зрительный зал был переполнен. Всем хотелось узнать, что это за новое явление появилось на подиуме современного театра в лице **Айдара Заббарова**, тоже номинированного на «Золотую Маску», но не вписавшегося в число лауреатов 2019 года, хотя уже приглашенного на постановки в московские и питерские театры.

Айдар Заббаров относится к поколению режиссеров, что-то слышавшем о все- сильной цензуре в рассказах старших коллег и потому чувствует себя в инсценировке повести **Гаяза Исхаки** абсолютно свободным, предлагая формат философской

притчи о жизненном пути молодого человека, который хотел изменить застрявший в прошлом мир с помощью просвещения, но силы духа не хватило, и он сдался под давлением всесильных обстоятельств. Тема, так сказать, злободневная во все времена, ибо каждый из нас встает перед выбором: или бескорыстно служить своей идее, сдирая кожу, или уповать на удачу и плыть по течению.

Об этом спектакле я писала подробно в статье, посвященной гастролям камаловцев в филиале Малого театра на Ордынке на страницах «Страстного бульвара, 10», поэтому повторяться не буду. И тем не менее, хочется отдать должное метафорическому видеоряду спектакля, сочиненному Заббаровым вместе с художником **Булатом Ибрагимовым**, поражающим холодным космическим пространством, внутри которого копошатся люди, словно муравьи. Косные традиции выставляют шипы против опасного прогресса, а бывший студент, поначалу полный радужных планов,

«И это жизнь?» Татарский академический драматический театр имени Г. Камала, Казань

оказавшись в родной деревне, становится сельским муллой, и вот уже книги пылятся под столом, сварливая жена не понимает его и приживает ребенка с другим мужчиной... Что и говорить — черная полоса жизни поглотила татарского романтика, задушила в нем несостоявшиеся мечты, и теперь он вынужден тянуть тяжелые сани по бесконечному кругу бытия, выворачивая раненую душу наизнанку и подставляя вторую щеку для очередных ударов судьбы. В поразительно достоверной игре **Искандера Хайруллина**, почти не меняющегося внешне, есть то главное, что не подвластно клиповой стихии — это проживание каждого мгновения существования в предлагаемых обстоятельствах роли от начала и до конца, не имитируя чувства, а рождая их в своей эмоциональной памяти.

Притчевый характер носит и другой спектакль, привезенный из **Таллинна Русским театром Эстонии**. Это «Одна абсолютно счастливая деревня», рассказанная **Бори-**

сом Вахтиным, в повести, хорошо известной по замечательной постановке Петра Наумовича Фоменко, идущей и сегодня.

Весьма сложная судьба у этого таллиннского коллектива. С одной стороны, он хочет угнаться за продвинутыми эстонскими театрами с сильной актерской школой и приглашенными европейскими режиссерами, с другой — не прочь потрафить русскоязычной публике, быть понятным и доступным по художественному языку, что нередко выглядит примитивно. Вот и на этот раз режиссер **Анатолий Ледуховский**, как бы «растекаясь по древу» и пользуясь этюдным методом, дробит действие на отдельные эпизоды из жизни деревенских влюбленных Полины и Михеева, не осознающих до конца свалившегося на них счастья, и только гибель мужа на войне открывает глаза голоногой Полине, оставшейся с двумя детьми: купание в голубой реке под присмотром горящего «Пугала», обнимки на зеленой траве на фоне мирно

«Одна абсолютно счастливая деревня». Русский театр Эстонии

пасущейся коровы, даже бестолковая, шумная свадьба с хором голосистых баб — и есть та самая счастливая жизнь, которую уничтожила война. Во втором акте вместо бутафорской коровы на сцене появляется деревянный танк, грозный символ, олицетворяющий не только победу русского народа, но и гибель затерявшегося счастья.

Исполнители главных героев **Наталья Дымченко** и **Сергей Фурманюк** с полной самоотдачей существуют в рваном режиссером рисунке, но это не спасает спектакль, лишенный конкретной концепции, поскольку в основе его должна лежать выношенная режиссером идея, а не пересказ сюжета в живых картинках. Время от времени групповые портреты односельчан освещаются красным светом, наподобие засвеченной пленки, сгоревшей в огне пожара. Теперь остается одна надежда на целостную память, но и она скоротечна...

Инсценировка прозы, как известно, — дело сложное, требующее от режиссера уме-

ния строить ассоциативный ряд между текстом и сценической образностью. А это уже высшая математика. В повести **Евгения Водолазкина** «Близкие друзья», поставленной в **ТЮЗе им. А. Брянцева**, речь идет трех молодых людей: Ральфе и Хансе, без памяти влюбленных в свою подругу Эрнестину. Чувство это настолько сильно, что они согласны жить с ней под одной крышей и спать вместе. Но в их планы вторгается Вторая Мировая война, и немецких юношей призывают в армию, отправляя на восточный фронт.

И вновь в художественную ткань публицистического спектакля **Елизаветы Бондарь** вторгается тема памяти, по сути, исторической памяти. Повествование идет от лица 85-летнего Ральфа в блистательном исполнении **Николая Иванова**. Его молодой двойник, не ведавший запаха крови, впервые видит смерть наяву, отнюдь не героическую, как ему внушали, а реальную, само собой разумеющуюся на фронте.

В его сознание не укладывается, как могла пуля пробить сердце друга, но Ральф не может допустить, чтобы Ханса, завернутого в брезент, бросили в общую могилу вместе с другими убитыми немецкими солдатами. Даже мертвый он обязан вернуться на родину в Германию. Бесстрастным, потухшим голосом Николай Иванов рассказывает, с какой маниакальной настойчивостью он обивал пороги высшего командования и настолько надоел всем, посчитавшим его сумасшедшим, что нашелся цинковый гроб для мертвого друга, и он проследовал со страшным грузом по дорогам войны до самого мюнхенского кладбища. Поверить в подобное трудно, это чистый абсурд, не поддающийся никакой логике, и вместе с тем художественный вымысел должен был быть оправдан правдоподобным существованием литературных персонажей, находящихся за стеклом. Да, да, за стеклом брезентовой палатки, установленной на сцене художником **Сергеем Илларионовым**, внутри которой на крутящихся подставках расположились зрители, подобно свидетелям страшного прошлого. Слово «расположились» в данном варианте никак не подходит, потому что за полтора часа представления неудобные сидения давали о себе знать, спина и ноги затекали и поворачиваться всем телом то вправо, то влево по ходу перемещения персонажей за стеклом хотелось все меньше и меньше, даже литературная композиция Водолазкина мало вдохновляла. Правда в финале клипового представления за стеклом появлялись три обнаженные фигуры — двух юношей и девушки, и это было прекрасно. Ну чем не живая скульптура Родена?! Наверное, ради этого мгновения и стоило помучиться зрителям в отсутствии удобных кресел...

Следующее недоразумение не физическое, а эстетического свойства ожидало публику на представлении **Театра кукол Республики Карелия** с кратким названием «Сад», что на поверку оказалось «**Вишневым садом**» **Антоня Павловича Чехова**. **Александр Янушкевич** увидел в тонких,

«Близкие друзья». Ральф в XXI веке — Н. Иванов. ТЮЗ им. А.А. Брянцева

обаятельных чеховских героях одиозных комических персонажей, якобы в рамках указанного автором жанра комедии. Вероятно, режиссер решил, что ничего не будет противоестественного, если артисты наденут маски и будут двигаться, как заводные куклы, транслирующие чеховский текст, не имеющий никакого отношения к притянутой за уши грубой смеховой культуре. Что должно было заинтриговать зрителей и потрясти до основания. Тем не менее, режиссерский замысел был расшифрован уже в первой сцене, когда Дуняша с оттопыренной, извините, задницей, сметала пыль с нарисованного макета дома, напоминая девушку по вызову, а Лопухин с длинными усищами, похожий на таракана, бичевал себя плетью по спине с пятнами красной краски на рубашке, не забывая

при этом раздвинуть ножки Дуняши. Но тут являлся и не такое повидавший Епиходов в скрипучих ботинках (вероятно, в костюмерной не нашлось сапог, как потом грязных калош для бедного Пети). По всему было видно, что режиссера сильно занимал сексуальный вопрос, упущенный Чеховым, поскольку для фарсовой буффонады это самая вкусная «завлекаловка».

Вы не поверите, но сексуально озабоченная Любовь Андреевна в исполнении **Любови Бирюковой** завоевывала мужчин, что называется, «на раз», от малопривлекательного Пети с косичками (**Владислав Тимонин**), стоящего выше традиционной любви, до делового Лопухина (**Дмитрий Будников**), отгоняющего навязчивую мысль жениться на Варе (**Марина Збуржинская**), к его неудовольствию похожую на забитую монашку, одуревшую от бесполезных молитв. Совсем другое дело Раневская, презирающая разные условности и запросто предлагающая себя после прода-

жи имения. Причем, без всяких удобств, прямо на полу среди чемоданов...

Одним словом, отвратительная семейка, ни дать ни взять фрики в «Комеди-клуб». Единственно живое лицо в задуманной режиссером кукольной фантазмагории, это призрак матери, расхаживающей в белом платье по дому и олицетворяющей исчезающую красоту и благородство под натиском нуворишей.

Подобного рода отношение к русской классике, заполненное комиксами и «смелыми» режиссерскими кунштюками, принято считать авангардом. Поэтому «Герой нашего времени» лондонского HUNCHtheatre в исполнении трех английских артистов: **Оливера Беннетта**, **Тимоти Делапа** и **Флоренс Робертс**, идущий час пятнадцать минут, грозил нетрадиционным прочтением близкого русскому сердцу Лермонтова. Ведь зачем-то одинокий парус поэта достиг берегов туманного Альбиона под руководством режиссера **Владимира Щербаня**.

«Близкие друзья». ТЮЗ им. А.А. Брянцева

«Сад». Театр кукол Республики Карелия

На площадке, окруженной зрителями, декорации были сведены до минимума. В одном конце сцены стоял коричневый кожаный диван, на котором рефлексирующий молодой человек в эполетах вел внутренний диалог с собой и не дающей покоя совестью, презирая низкопоклонство и выскочек, любовные адюльтеры холодных сердец, дразня и раздражая тем самым светское общество и провоцируя неминуемые конфликты. В зеркальной раме, висящей над диваном, периодически отражалось искаженное болью красивое лицо Печорина, а следы от пеннистого шампанского на зеркальной поверхности напоминали о скучной праздной ночи.

На другом конце сценической площадки стоял микрофон на штативе, предназначенный для монологов Печорина, Грушницкого в английской солдатской шинели, княжны Мери с обнаженными плечами и пелерине из меха, уверенной в своей неотразимости, неожиданно потерпевшей фи-

аско после откровенного признания в любви Печорину, осмелившегося отказать ей. Все выходило, как у Пушкина: «Ужасный век — ужасные сердца».

В какой-то мере полифоничность происходящего напоминала чтение с листа главы «Княжна Мери» из «Героя нашего времени», где от лермонтовского Печорина протягивалась ниточка к современному молодому человеку, пытающемуся найти точку опоры в чуждом для него мире. Здесь даже дружба грозила гибелью свободной личности. Поначалу Печорин, представленный Оливером Беннеттом, видит в Грушницком отважного боевого товарища, на самом же деле за бравадой раненного солдата кроются тщеславие, сладостные мечты об офицерских эполетах, дающих ему пропуск в высший свет и доступ к сердцу Мери. Грушницкий в исполнении Тимоти Деллапа, не наделенный большим умом и проницательностью, постоянно рассчитывает на поддержку загадочного друга, не понимая,

«Герой нашего времени». HUNCHtheatre

что терпению Печорина скоро придет конец, и тогда самоуверенному выскочке придется худо. Фактически, Печорин в креативном исполнении английского артиста убивает в лице трусливого Грушницкого то, что ненавидит всеми фибрами своей души: низкопоклонство и мерзкое притворство ради выгоды, но легче ему от этого не становится. Бросаясь на пол и сотрясаясь всем телом от рыданий, он готов провалиться сквозь землю, разбивая сжатые кулаки до крови. Преступивший черту христианских заповедей обращается к небесам, но они молчат, посылая нигилисту безысходное одиночество, которое клещами сжимает горло, не дает свободно дышать.

Спектакль англичан стал знаковым событием на фестивале «Радуга», в очередной раз доказав, что психологический театр не имеет границ, тем более, когда режиссер умирает в актерах другой культуры.

А тем временем театр «Практика» совместно с **Независимой театральной ком-**

панией «Июльансамбль» продолжают свои эксперименты на злобу дня в пластическом формате, привлекая для этого молодых актеров, отлично владеющих телом, но не словом. Ведь слова можно транслировать «за кадром», отдав их невидимому ведущему, объясняющему, что происходит с молодыми ребятами, какой червь их грызет, какие сомнения разрывают сознание, почему нельзя пожаловаться на судьбу (иначе примут за «лоха», а родители станут читать нотации). В этих пластических дивертисментах есть здравый смысл, к сожалению, не разработанный режиссером **Тадасом Монтримасом** до конца. В спектакле **«Несколько разговоров о»** нет исходного события, поскольку непонятно, кто и почему закрывал рты молодежи. Они сами решили превратиться в немых, убедившись в непонимании окружающих или так им удобно охранять свой внутренний мир от посягательств взрослых? И все-таки пояснительный текст присутствует в спек-

«Несколько разговоров о». НТК «Июльсанамбль» и Театр «Практика»

такле: он объясняет, что происходит с каждым членом молодежной тусовки, запутавшейся в чуждом для них мире, не дающем ответа на сакральные вопросы, в том числе об Иисусе Христе. Так был он или нет, за что наказывает невинных детей? За грехи своих отцов?..

При всей остроте этой темы, сопереживания к безликим персонажам не возникает, да и как оно может возникнуть на почве общеизвестных фактов? Разве только мелькнет мимолетная жалость к потерявшему поколению, избирающему единственный путь «американского счастья»: машина, квартира, счет в банке, поскольку своей национальной идеи как не было, так и нет, и мы можем «питаться» только своим героическим прошлым, а настоящее предлагает совсем другие ценности — в основном, материальные, а нравственный тупик неминуем. Художник публицистического спектакля **Ольга Пашаева** предлагает художественный образ в виде высокой белой стены, на которую карабкаются молодые

люди, но вершины не достигают, падают вниз и кувыркаются, кувыркаются, будто летят в невидимую пропасть. К большому сожалению, долгожданного открытия чего-то нового, лишённого расхожих штампов, не произошло, а брутальная энергия молодых артистов оказалась использованной только технически. Но при этом остается надежда, что поиски истинно художественного театра будут продолжаться, чего бы это ни стоило, так как ради талантливых первопроходцев и существует 20 лет молодежная «Радуга» под руководством директора ТЮЗа имени А. Брянцева **Светланы Лаврецово**й, ведущей свой театральный корабль на Пионерской площади вперед, создавая тем самым особую атмосферу питерской культуры, вопреки разным санкциям и потребительскому рынку, не признающему серьезное искусство.

Любовь ЛЕБЕДИНА

Фото Натальи КОРЕНОВСКОЙ